

571243

1934

Л

У. В.
3277

ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ

О ГАНКЪ И ШАФАРНКЪ.

1910

2995%

ЧИТАНО

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАЩІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30 Августа 1861 года.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1861.

59

1861
7728

01/11

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Харьковскаго Университета, состоявшемуся 5-го Августа
1861 года.

Ректоръ А. Рославскій-Петровскій.

ПРОДРЕЧЕНО
1861

ЦНБ АУН В. Н. Каразина
2011 р.

1861

Въ истекшемъ академическомъ году университетъ Харьковскій лишился, въ числѣ почетныхъ членовъ своихъ, и двоихъ Славистовъ, съ именами которыхъ образованный міръ давно уже привыкъ соединять мысль о самомъ благородномъ въ жизни общественной и народной и о самомъ высокомъ въ дѣлѣ науки и просвѣщенія. *Вячеславъ Ганка*, бібліотекаръ народнаго Чешскаго музея въ Прагѣ, скончался 31 декабря 1860 года; *Павелъ-Іосифъ Шафарикъ*, бібліотекаръ Императорско-королевской бібліотеки въ Прагѣ, скончался 14 іюня 1861 года.

Сочувствіе къ этимъ обоимъ знаменитымъ представителямъ науки и жизни Славянской высказывалось слишкомъ громко и на слишкомъ отдаленныхъ концахъ цѣлой Европы, чтобы не остаться безгласнымъ и въ литературѣ отечественной: и читающей публикѣ Русской доставлена была полная возможность ознакомиться и съ ученымъ значеніемъ этихъ лицъ, и съ характеромъ ихъ дѣятельности общественной, и съ особеннымъ положе-

ніемъ ихъ среди своего народа и въ отношеніи къ правительству этого народа.

Такимъ образомъ, Университетъ не имѣетъ надобности останавливаться на подробномъ обзорѣ разнообразныхъ заслугъ покойныхъ своихъ почетныхъ членовъ; онъ считаетъ для себя достаточнымъ, въ настоящемъ общемъ отчетѣ своемъ, указать лишь на болѣе выпуклыя черты ихъ дѣятельности, чтобы тѣмъ оправдать свое уваженіе къ нимъ, выразившееся въ выборѣ ихъ въ столь почтенное званіе, и вмѣстѣ опредѣлить важность утраты, какую чувствуетъ онъ со смертію ихъ.

И Чехъ *Гапка*, и Словакъ *Шафарикъ* явились почти въ одно время на свою многотрудную и многоплодную дѣятельность. Первый родился въ 1791 году, въ одномъ изъ Чешскихъ селеній, отъ простаго поселяннина; второй — въ 1795 году, въ деревнѣ близъ Гемѣра, что въ сѣверной Венгріи, отъ протестантскаго пастора. Одна и та-же среда была ихъ дѣятельности: большую часть жизни своей, съ юныхъ лѣтъ до самой смерти, прожили они въ Прагѣ, столицѣ Чешской; на Чехахъ всего прежде и ярче отразилось и благотворное вліяніе ихъ; виднѣе всего на обществѣ и народѣ Чешскомъ раскрывается и исполнское значеніе обонхъ ихъ.

Стѣбитъ только взглянуть на грустное положеніе Чеховъ въ концѣ прошлаго и началъ нынѣшняго столѣтій, когда, рядомъ съ неразвитостію народа, граничившею съ поразительнымъ невѣжествомъ, замѣтно было и какое-то отупѣніе народное, дошедшее, до полной за-

битости, когда въ Чехъ утрачены были и память о славномъ своемъ прошедшемъ, и сознаніе своей народности — эти два залога прочности и успѣшности въ устройствѣ будущемъ, стѣитъ сравнить потому это безотрадное положеніе съ тѣмъ, въ какомъ находятся Чехи въ настоящее время, когда и самый завистливый ближайшій сосѣдь, со всеѣмъ отдаленнымъ западомъ, не могутъ уже скрыть своего уваженія къ распространенности истиннаго между ними просвѣщенія, проникшаго во все сферы жизни, и не въ состояніи разумно отказать имъ въ правѣ на самостоятельную близкую будущность, и передъ нами уяснится громадность значенія покойныхъ нашихъ почетныхъ членовъ, если мы примемъ въ соображеніе, что они были безспорно главнѣйшими виновниками столь славнаго и едва-ли не безпримѣрнаго перерожденія своего народа. Не забудемъ при этомъ, что Чехи стоятъ теперь передовымъ Славянскимъ народомъ на западъ и съ рѣдкимъ искусствомъ сближаютъ съ собою и ведутъ за собою остальныхъ Славянъ.

При современной дѣятельности, при одинаковой средѣ, при одной и той-же цѣли, при равномъ даже и значеніи далеко не одинаковы были способы и средства дѣятельности обонхъ Славянствъ. Это различіе въ способахъ и средствахъ происходило какъ отъ особенностей характера каждаго изъ нихъ, такъ неменѣе и отъ различныхъ условій, при которыхъ совершилось ихъ воспитаніе и окончательное образованіе.

Ганка, съ первыхъ лѣтъ своей молодости, отличался необыкновенною общительностію; ему необходимъ былъ кружокъ, въ которомъ бы жилъ онъ и на который,

согласно съ своимъ направленіемъ, могъ бы дѣйствовать: и въ пору первой юности, мы встрѣчаемъ уже его въ центрѣ сверстниковъ, дѣйствующихъ по его указаніямъ и предназначеніямъ. Естественная простота въ обращеніи, изумительная доброта и мягкость души, наконецъ непритворная и пламенная любовь къ родинѣ и безразсчетная готовность жертвовать для ея пользы все — не могли не подчинить совершенно незамѣтно его вліянію отысканный или составленный имъ кружокъ и не расширить послѣдній до тѣхъ размѣровъ, которые дали поводъ нѣкоторымъ, по смерти Ганки, считать его однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ воспитателей современнаго поколѣнія Чеховъ и даже подмѣчать и утверждать вліяніе его и далеко за предѣлами Чехіи. Не выезжая во всю жизнь изъ границъ Австріи *, имѣя случай еще въ родной деревнѣ своей ознакомиться съ немногими образцами нѣкоторыхъ поколѣній Славянскихъ, какъ — Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и Русскихъ, Ганка упрочилъ это знакомство уже въ большемъ объемѣ въ столицѣ Имперіи, во время обученія своего въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ сталкиваются все разнообразныя народности Австріи, и съ тѣхъ поръ уже замѣнилъ чувство исключительнаго патріотизма чувствомъ любви къ цѣлому племени Славянскому; здѣсь лежатъ причины вліятельности его и внѣ границъ Чешской земли. Во время почти пятидесятилѣтняго пребыванія своего въ столицѣ Чехіи, Ганка былъ постоянно тѣмъ средоточі-

---

* Однажды только выѣхалъ онъ въ Дрезденъ для встрѣчи Русскаго Императора.

емъ, около котораго сжижались всѣ Славяне, сближались между собою, научались любить другъ друга и посвящались на общую дѣятельность и взаимное содѣйствіе. Тамъ, гдѣ не могъ онъ дѣйствовать личнымъ примѣромъ, наставленіемъ, совѣтомъ и указаніемъ, производилъ не меньшее вліяніе своею перепискою, — и теперь, какъ ни недавня кончина его, а уже съ трудомъ върнись той исполнискій дѣятельности, такъ искусно распредѣлявшейся и на непрерывные труды ученыя, и на профессорское званіе, и на личные бесѣды со множествомъ посѣтителей Музея, и на всѣ народныя предпріятія и учрежденія, въ которыхъ былъ онъ душою, и на изумительную корреспонденцію, охватывавшую едва-ли не всѣ земли и народы въ Европѣ, проницавшею перѣдко и въ Азію, и въ Америку. И Ганка всюду и въ каждаго, сближавшагося съ нимъ, успѣлъ вдохнуть любовь къ труду, указать прямыя къ нему пути, возбудить сочувствіе къ племенной народности и направить его на непосредственную пользу общественную — на просвѣщеніе народное. Обширность успѣха обуславливалась болѣе всего мягкостью и кротостью характера покойнаго. Нигдѣ и никогда не выставлялъ онъ себя впередъ, не было въ немъ и тѣни навязчивости и, смотрѣвшему на него издали, казался больше удовлетворявшимъ только запросамъ и любопытству постороннихъ, чѣмъ домогавшимся распространить свои идеи, знанія и опытность между непросвѣщенными. До изумительности была поразительна въ немъ эта незамѣтность вліянія на окружающихъ, безъ всякаго различія пола, возраста и званія; къ Ганкѣ стекались одинаково

и дамы и дѣвицы, и взрослые и дѣти, и люди сановные и сельскіе простолюдины, и со всеми былъ онъ одинаковъ безъ малѣйшаго напряженія. Поставивши задачей жизни своей содѣйствовать пробужденію народа своего отъ нравственнаго и умственнаго усыпленія, возбуждать въ немъ разумную любовь и уваженіе къ себѣ, къ освѣженію и оживленію его, онъ считалъ, въ то-же время, необходимымъ вызвать въ Чехахъ сознаніе того, что они только часть великаго, славнаго и сильнаго племени Славянскаго и «что въ этой общей славѣ и силѣ должна и имъ принадлежать своя доля, какъ было когда-то». Лучшимъ и важнѣйшимъ средствомъ для выполненія этой задачи признавалъ онъ воскрешеніе памяти о прошедшемъ и распространеніе уваженія къ остаткамъ отечественной старины. Въ зависимости отъ такой задачи и такихъ средствъ протекала и вся учено-литературная жизнь Ганки. Отысканіе памятниковъ древнихъ, обнародованіе и обследованіе ихъ, разработка темныхъ, но назидательныхъ сторонъ исчезнушаго стараго быта Чеховъ, наблюденіе надъ языкомъ и очищеніе его отъ чуждыхъ наносовъ въ эпоху тяжкаго господства иноземнаго — вотъ что наполняло эту жизнь. Исчислять по-именно изданія и сочиненія Ганки было бы неумѣстно, потому-что перечисленіе однихъ названій заняло бы больше времени, чѣмъ сколько привыкли мы посвящать для цѣлаго отчета. Для насъ гораздо важнѣе — результатъ ихъ, освѣтившій во многомъ исторію Чеховъ, раскрывшій слѣды и плоды ихъ древней образованности и въ жизни, и литературѣ, овладѣвшій вниманіемъ и глубокимъ сочувствіемъ всего народа

въ пользу старинной своей самообитности и озарившій новымъ свѣтомъ не одну туманную, а часто и вовсе невѣдомую сторону древняго быта и остальныхъ Славянъ, не исключая и Славянъ Русскихъ. Вообще, учено-литературная дѣятельность Ганки служила какъ-бы уясненіемъ, подтвержденіемъ и пополненіемъ его дѣятельности общественной, и послѣдняя всегда будетъ выдаваться на первый планъ, въ глазахъ внимательнаго и безпристрастнаго судьи, какъ ни важны и ни обильны и учено-литературные труды покойнаго.

Въ нѣмъ свѣтъ являются пути въ заслугахъ *Шафарика*. Природная его застычивость, въ-слѣдствіе особыхъ условій въ воспитаніи и образованіи, развилась въ философскую сосредоточенность и повлекла за собою ту любовь къ уединенности, по временамъ къ какой-то заключенности, какая составляла отличительную черту его характера во всю жизнь. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ стѣнахъ гимназій Рожновской и Добишинской (въ сѣв. Венгріи), какъ юный членъ Словацкаго народа, столь подавленнаго и презрѣннаго въ ту пору господствующею націею Мадьярскою, онъ встрѣтилъ уже необходимость стѣснять свою душу и прикрывать свои чувства отъ большинства Венгерскихъ сверстниковъ, обращающихъ съ презрѣніемъ и ненавистью ко всему, что носило на себѣ отпечатокъ особености Словацкой. «Давить и теперь еще душу тяжелое чувство, говаривалъ Шафарикъ неоднократно одному изъ нашихъ преподавателей за полгода до своей кончины, когда вспоминая объ этомъ ужасномъ време-

ни. Сколько разъ мы, Словаки, подвергались опасности быть побитыми камнями отъ Мадьярскихъ своихъ товарищей за то, что, хотя-бы и въ гимназїи, употребляли въ разговоръ между собою родную рѣчь. Нѣтъ надобности и говорить, что на школьной скамейкѣ мы должны были казаться Мадьярами и что только полное отреченіе отъ своего народа обращало на насъ вниманіе начальства». Такое состояніе, усиливши природную застенчивость, должно было пробудить въ чувствительной и воспримчивой душѣ, какую имѣлъ Шафарикъ, и глубокое состраданіе къ бѣдному своему народу, и томительную жажду вывести его изъ забитости, какую встрѣчалъ глазъ даровитаго юноши на пространствѣ родной земли. Тоскливая углубленность въ самого себя должна была быть неизбежнымъ послѣдствіемъ при отсутствїи людей, съ которыми можно бы было подѣлиться чувствами и которые въ состояніи бы были дать прочное и утѣшительное имъ направленіе. Нераньше какъ на осьмнадцатомъ году, въ Кежмарскомъ уже лицѣ, сошелся онъ съ однимъ изъ профессоровъ, который умѣлъ понять своего студента и наставить его на путь, согласный съ призваніемъ молодаго Шафарика и съ пользою любимаго имъ народа. Тутъ только ознакомился онъ съ Славянствомъ и тутъ лишь понялъ, что судьба его бѣдныхъ соотичей неразрывно связана съ судьбою ближайшихъ соплеменниковъ, и что трудъ на общемъ Славянскомъ полѣ всего скорѣе можетъ принести благодѣтельный плодъ и родному его краю. Здѣсь положено было первое начало учено-славянскому направленію Шафарика, а два года, проведенныхъ въ

Іенскомъ университетѣ, гдѣ съ изумительнымъ трудолюбіемъ изучалъ онъ и исторію, и философію, и естествознаніе, и богословіе, гдѣ получилъ онъ и званіе доктора философій, доставили ему самый твердый фундаментъ для будущихъ блистательныхъ успѣховъ въ такомъ направленіи. Не сдѣлавшись пасторомъ, какъ желалъ того отецъ, не удовлетворившись и званіемъ домашняго учителя, которое принялъ онъ на себя у одного Венгерскаго дворянина, изъ необходимости поддерживать свое существованіе, Шафарикъ, на 24 году отъ роду, получилъ мѣсто профессора въ православной гимназіи въ Новомъ-Садѣ (Neusatz). Тутъ, въ кругу огненныхъ Сербовъ, среди богатыхъ запасовъ древностей въ монастыряхъ Сербскихъ, Шафарикъ окончательно упрочилъ свое Славянское направленіе и всецѣлю предался сравнительному изученію Славянъ — ихъ языка, литературы и исторіи. Не прошло и шести лѣтъ, какъ изданіемъ «Исторіи Славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчійамъ» онъ пробудилъ всеобщее къ себѣ изумленіе, и имя Шафарика, едва слышное до 1826 года по слабымъ Чешскимъ стихотвореніямъ, по посредственному разсужденію объ основахъ Чешскаго стихотворства, по отрывочнымъ переводамъ изъ Аристофана и Шиллера и по изданію, вмѣстѣ съ Колларомъ, пѣсень Словацкихъ, стало произноситься наравнѣ съ именами Добровскаго, Кошцара и Линде. И дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы и даровитый молодой человѣкъ могъ собрать и изучить столько разнообразныхъ матеріаловъ, представить такъ много глубокомысленныхъ соображеній и заключить такими важными всесторонними выво-

дами, чѣмъ поражается на каждой почти страницѣ въ изданной Шафарикомъ книгѣ. Прошло только два года, и новое историко-критическое разсужденіе «О происхожденіи Славянъ», усилило еще больше изумленіе ученаго міра начитанностію и ученостію автора и изыскательнымъ его умомъ, проникнутымъ самостоятельностью взгляда.

Подобный ученый съ такимъ громаднымъ запасомъ свѣдѣній, съ такою поразительною приготовленностію къ дальнѣйшимъ занятіямъ въ темной старинѣ Славянства, не могъ не привлечь къ себѣ самыхъ восторженныхъ призывовъ въ Прагу, гдѣ успѣлъ уже образоваться центръ учено-литературной дѣятельности западныхъ Славянъ, гдѣ, стараніемъ знакомаго намъ *Ганки*, составилось и богатѣйшее собраніе матеріаловъ по части исторіи, литературы, искусства и языка народовъ Славянскихъ. Шафарикъ переселился въ столицу Чехіи, и едва, можно сказать, успѣлъ устѣться въ ней, какъ подарилъ уже не однимъ Славянъ, а всѣхъ, кто только дорожитъ истиннымъ знаніемъ въ предметахъ о жизни и дѣятельности цѣлыхъ народовъ, подарилъ такимъ твореніемъ, которое разомъ поставило имя автора въ ряду первоклассныхъ ученыхъ цѣлаго міра. Для достойной оцѣнки «Славянскихъ Древностей» Шафарика, напечатанныхъ въ 1837 году, на счетъ Чешскаго музея, потребовалось бы особое изслѣдованіе; а голословныя похвалы, какія только и могли бы быть въ настоящемъ случаѣ, не согласны съ понятіями коллегіи университетской о столь важномъ и великомъ трудѣ.

Но какъ онъ представляется на первый взглядъ спе-

ціальними, и какъ будто назначенными для однихъ ученыхъ, упомянутыя сочиненія и множество другихъ трудовъ Шафарика, тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ всѣхъ въ жизни общественной народовъ Славянскихъ едва-ли было слабѣе, какъ и значеніе дѣятельности общественной Ганки. Всѣ изслѣдованія, описанія, краткія замѣчанія и огромныя сочиненія его касались непосредственно жизни, разъясняя старшину и очищая тѣмъ понятія и современныхъ соплеменниковъ отъ вредныхъ чужихъ плевелъ, раскрывая гибельные плоды старой раздробленности и взаимной вражды и указывая тѣмъ на потребность единства для блага въ будущемъ. Стоить только припомнить первое впечатлѣніе на западъ отъ изданнаго Шафарикомъ, въ 1842 году, «Народоописанія Славянскаго», когда одни съ радостнымъ изумленіемъ, другіе съ невыдержанною злобою увидѣли на картѣ громадное пространство земли, непрерывно населенное Славянами, и прочитали въ небольшой книжкѣ, наполненной именами, числами, отдѣльными буквами и образцами народныхъ пѣсень, количество Славянъ всѣхъ и каждаго поколѣнія въ отдѣльности, чтобы понять и оцѣнить практическое значеніе и пользу ученыхъ произведеній покойнаго Шафарика. Его, по видимому отвлеченныя, наблюденія и мысли служили не рѣдко путеводною звѣздою въ чисто-политическихъ и социальныхъ движеніяхъ народа, и критическій судья надъ жизнію этого великана Славянскаго свободно можетъ заявить, что рѣдкій ученый въ мірѣ имѣлъ столь обширное вліяніе на развитіе понятій и мифовъ народныхъ, отразившихся непосредственно на бытъ жителей

скомъ Какъ близко относился къ сердцу Шафарика этотъ житейскій бытъ народа и въ какой тѣсной связи съ нимъ ставилъ онъ свои ученыя занятія, весьма ясно обнаружилось въ 1848 году, когда Шафарикъ явился однимъ изъ первыхъ представителей Славянъ, собравшихся на сеймъ въ Прагу, и когда произнесенная въ одномъ изъ засѣданій и напечатанная рѣчь его, раскрывши всю глубину, основательность, разносторонность и практичность политическихъ воззрѣній, съ тѣмъ вмѣстѣ послужила и убѣдительною свѣдѣтельствомъ взгляда самаго Шафарика на значеніе и назначеніе его многотрудныхъ изслѣдованій ученыхъ.

Степень заслугъ обоихъ нашихъ покойныхъ почетныхъ членовъ возвысится еще до огромнѣйшей высоты, когда сообразимъ мы тягостное стѣсненіе обонхъ ихъ и въ матеріальныхъ средствахъ жизни, и въ обстановкѣ относительно правительственной власти. И тотъ и другой должны были долгое время существовать исключительно своими учено-литературными трудами, не роскошно вознаграждающими и въ богатыхъ странахъ, тѣмъ болѣе среди бѣдныхъ Славянъ, для которыхъ назначались труды эти. Ганка могъ еще покойнѣе перебиваться, какъ потому, что раньше получилъ постоянное мѣсто библіотекаря при Чешскомъ музеѣ, такъ и потому, что благоприятная, при подобной обстановкѣ, судьба лишила его семейства; но сколько лѣтъ ежедневно принужденъ былъ выносить душевную тревогу Шафарикъ отъ гнетущей мысли о насущномъ пропитаніи себя, больной жены и малолѣтнихъ дѣтей!

Тревога эта становилась неминуемо убійственнѣе, когда замѣтнѣе чувствовалъ онъ развитіе болѣзни и въ себѣ самомъ. А между-тѣмъ, какъ легко было устроить обонимъ вполне довольную жизнь, какъ малаго, по видимому, стоило, чтобы богатство и почестъ полились на нихъ обильными ручьями, — стоило только повернуть лице въ другую сторону, даже и не бросать занятій Славянствомъ, а только направить ихъ согласно съ расчетами господствующей власти.

Но крѣпкіе въ трудахъ и непреклонные въ убѣжденіяхъ — *Ганка* и *Шафарикъ* охотнѣе подвергали себя всевозможнымъ лишеніямъ и стѣсненіямъ, чѣмъ согласились измѣнить задачамъ своей жизни, которыя считали они за самый святой долгъ свой. И далеко не равнодушно смотрѣла на нихъ Австрійско-нѣмецкая политика, въ глазахъ которой благотѣльная твердость ихъ являлась опаснымъ упорствомъ. Такой единнично-эгоистическій взглядъ по-часту и по-долгу давалъ себя тяжело чувствовать и въ полицейской практикѣ, и держалъ въ тискахъ обонхъ нашихъ Славистовъ, усиливая еще больше собой гнетъ отъ экономическихъ недостатковъ. Послѣдствіями оригинальнаго Австрійскаго взгляда была смерть не одного великаго таланта; къ величайшему сожалѣнію всего Славянства и цѣлаго благородно-мыслящаго человечества, и причины смерти *Ганки*, съ *Шафарикомъ*, значительною долею должно приписать тѣмъ-же послѣдствіямъ. Судебный процессъ, поднятый подкупнымъ Евреемъ противъ *Ганки* за мнимый подмогъ древнихъ памятниковъ письменности Чешской, въ которомъ не устранило себя правительство отъ уча-

етія и который тянулся слишкомъ годъ, подорвалъ силы могучей природы Ганки и положилъ начало болѣзни, низведшей его въ могилу. Сосредоточенный характеръ *Шафарика*, его постоянная уединенность, въ-слѣдствіе непрерывныхъ ученыхъ занятій, находили въ Австрійской полиціи обильную пищу для того, чтобы переходить поочередно отъ подозрительности къ мнительности, отъ мнительности къ шизохондріи и кончиться разстройствомъ мозга, прекратившимъ дни величайшаго изъ ученыхъ Славянъ.

Но не принесла чаемыхъ выгодъ врагамъ Славянства смерть великихъ Славистовъ. Ихъ похороны въ Прагѣ, напомнившія, по словамъ одного корреспондента Пражскаго, старинное погребеніе королей Чешскихъ, вызвавшія на участіе чуть не цѣлую четверть всего народонаселенія многочисленной столицы Чешской, привлекшія массы народа изъ ближайшихъ окрестностей Праги и изъ нѣкоторыхъ городовъ провинціальныхъ, всеобщее восторженное сочувствіе Чеховъ къ прославленію памяти покойныхъ — служатъ слишкомъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что постоянное ими сѣмя пало на благодарную почву и что мысли и убѣжденія ихъ не погибнутъ въ томъ поколѣніи, которое возрасло подъ ихъ вліяніемъ и которое даетъ уже знать міру о силѣ и расширенности этихъ мыслей и убѣжденій на попринцъ болѣе широкому и живому, на радость всѣхъ Славянъ, признательныхъ къ подвижничеству славныхъ своихъ соплеменниковъ.

Орд. Проф. П. Лавровскій.

571943

